

На правах рукописи

СУЛИМОВ Станислав Игоревич

**Философско-культурологическая интерпретация антисистем
в социокультурной динамике и межкультурных коммуникациях**

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Курск 2022

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии, науковедения
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Научный консультант **Киреев Михаил Николаевич**, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, культурологии, науковедения ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Официальные оппоненты **Бельский Виталий Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя

Дегтярев Александр Константинович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»

Драч Геннадий Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Ведущая организация ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кафедра философии и теологии

Защита состоится 26 апреля 2022 года в 16:00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук 24.2.322.01 по философским наукам при ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, д. 29, ауд. 816).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (РФ, 305000, Курская область, г. Курск, ул. Радищева, 29).

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Автореферат и диссертация размещены на официальном сайте Курского государственного университета: <https://kursksu.ru>.

И. о. ученого секретаря
диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

Г.А. Салтык

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная глобализация постепенно стремится превратить весь мир в унифицированное и упрощённое экономическое, политическое и духовное пространство. Но различные народы и общества являются носителями многообразных духовных ценностей, традиций и стилей жизни, поэтому их культуры не всегда совместимы друг с другом.

Как показывает исторический опыт, носители различных культур далеко не всегда способны к плодотворному взаимному сотрудничеству, даже если оказываются вовлечены в одну экономическую или политическую систему. Более того, неконтролируемый обмен фрагментами духовных культур нередко приводит к негативным последствиям. В рамках единой социокультурной системы возникает пагубное для неё социально-духовное образование, по своей сути живущее за счёт создавшей его системы и по своим целям стремящееся к её уничтожению. Можно сказать, что в синкретической социокультурной системе образуется антисистема. Нередко бывает, что культуры, из компонентов которых формируется антисистема, имеют колоссальный творческий потенциал и на своём родном ареале создают немало материальных и духовных шедевров, многие из которых актуальны по сей день. Но, оказавшись перемешаны в антисистеме, элементы этих культур часто оказываются способны только к деструктивному воздействию друг на друга и на социальное окружение. Более того, сообщества-антисистемы всегда действуют против породивших их «больших обществ». Если учесть, что процессы глобализации приводят к взаимодействию и неконтролируемому взаимному проникновению всех обществ и культур, существующих в современном мире, то возникновение антисистем порой становится неизбежным.

Феномен антисистемности был открыт относительно недавно, в прошлом столетии, и поэтому данная тема недостаточно разработана, актуальным остаётся изучение связанных с антисистемами тенденций глобализации и сопровождающего её культурного синкретизма. Теоретическая актуальность исследования заключается в раскрытии синкретического происхождения антисистем (как доктрин, так и общностей, разделяющих эти доктрины), так как в глобальном мире культурный диалог не затихает и часто носит неконтролируемый характер. Обнаружение механизма возникновения и функционирования деструктивных доктрин и общностей, производных от межкультурного взаимодействия, позволит раскрыть потенциал генезиса и взаимодействия с мировым сообществом антисистем современности.

Таким образом, можно говорить об актуальности философско-культурологического и философско-антропологического анализа механизмов возникновения и функционирования антисистем, понимаемых как доктрины

и сообщества, имеющие синкретическое происхождение в процессах межкультурных коммуникаций.

Степень разработанности проблемы. Проблемы социокультурной динамики, совместимости и несовместимости различных обществ и культур, сущности культуры и культурных традиций глубоко изучались такими отечественными и зарубежными исследователями, как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглер, С. Хантингтон, П. Дж. Бьюкенен, Ш.Н. Эйзенштадт, С.Г. Кара-Мурза, Д.М. Володихин и другие. Эти вопросы также получили яркое освещение в советских, российских и зарубежных исследованиях Э.Г. Абрамяна, С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна, А.И. Першица, В.Д. Плахова, В.И. Суханова, Г.Ф. Перетяпкина, М.К. Петрова, Р. Редфилда, Р. Зиманда, Е. Шацкого, Э. Шилза, Ш. Н. Эйзенштадта, Х. Ортеги-и-Гассета и т.д. В нашем исследовании особенно важную роль сыграли учения Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, А.Дж. Тойнби и С. Хантингтона, ведь каждый из этих авторов, изучая взаимодействие обществ между собой, выделил определенные особенности этого процесса, без учёта которых межкультурное взаимодействие несёт своим участникам губительные последствия.

В данной работе мы исследуем антисистемы – социально-духовные общности, представляющие собой не закономерный результат культурного развития или межкультурного контакта, а, скорее, сбой в нём. Поэтому исследование того, что есть культурная система, нам не очень помогает. Ведь мы исследуем не здоровый, а больной культурный комплекс. И здесь наше исследование, к сожалению, имеет совсем немного предшественников. Термин «антисистема» в отечественной философии, культурологии и этнологии был введён Л.Н. Гумилевым, а в западной социально-философской традиции его впервые употребил И. Валлерстайн. Для западного исследователя антисистема – это случайное явление, действующее против сложившейся в мире системы. Например, И. Валлерстайн называл антисистемными социалистические и националистические движения XIX – начала XX вв. Иначе выглядит исследование Л.Н. Гумилева, являющееся органической частью его этнологической концепции. Он определял антисистему как системную целостность людей с негативным мироощущением, выработавшую общее для своих членов мировоззрение. По его мнению, антисистемы складываются в зонах контакта нескольких различных суперэтносов (термин Л.Н. Гумилева) и в основе их лежит биологическая метисация, сопровождаемая навязчивым обменом не всегда совместимыми друг с другом идеями. Исследователь именовал антисистемы не иначе как «губительный фантом» и в качестве примеров приводил волжскую Хазарию и альбигойское движение. Сравнивая учения И. Валлерстайна и Л.Н. Гумилева, можно заметить, что они понимают антисистемность в двух различных смыслах: для американского исследователя антисистемность – это всё противостоящее данной социально-

политической системе (например, политические движения, непримиримые с ней), а отечественный автор даёт антисистеме и антисистемности положительное определение, указывая её собственные признаки (например, эклектическое происхождение). Однако, как мы увидим ниже, эти две позиции не противоречат друг другу: антисистема действительно имеет оригинальные, неотъемлемые свойства и при этом противостоит тем социально-политическим и духовным системам, с которыми соседствует и взаимодействует.

К сожалению, Л.Н. Гумилёв работал в рамках экологии и этнологии, и поэтому результаты его исследований не всегда применимы в философии культуры и антропологии. Российская академическая общественность не во всём согласна с его идеями. К тому же, он не успел завершить работу, посвященную анализу антисистем, оставив незаконченный труд своим идейным последователям. К их числу относятся Д.М. Володихин, П.М. Корявцев, П.В. Игнатъев, В.Л. Махнач, А.В. Кизим, И.В. Черниговских и ряд других отечественных исследователей.

Особое место в исследовании феномена антисистемности занимает подход В.П. Римского, в рамках которого сочетаются идеи Л.Н. Гумилёва и И. Валлерстайна. Данный автор доказал, что возникновение антисистем представляет собой необязательный побочный продукт общественного развития, который не всегда связан с какой-либо метисацией. То есть, с одной стороны, подход В.П. Римского близок к учению И. Валлерстайна, который определял антисистему через противостояние системе, но, с другой стороны, не отвергает и синкретического происхождения антисистем, на котором настаивал Л.Н. Гумилёв. Так, с точки зрения В.П. Римского, любая сложная и нелинейная социальная система содержит в себе потенциал для возникновения антисистемы в силу самой своей нелинейности. Активировать же этот потенциал могут любые факторы: как системный кризис, так и проникающее вторжение культурно чуждых идей или сообществ.

При этом никто из указанных нами авторов не проводил специального исследования, посвященного роли межкультурных взаимодействий в формировании антисистем в социокультурной динамике. Так, Л.Н. Гумилев, действуя в характерном для его работ русле биологизма и делая акцент, прежде всего, на этнических, а не культурных контактах, редуцировал сложный процесс формирования антисистем к следствию этнической метисации. В.Л. Махнач, упомянув синкретическое происхождение доктрин и общностей, из которых формируется антисистема, сосредоточил основное внимание своего исследования на описании характерных черт антисистемных группировок и специфики их социокультурной деятельности. И. Валлерстайн и В.П. Римский рассматривают антисистемность как естественный, хотя и деструктивный побочный эффект развития социокультурных систем и не интересуются ролью межкультурных контактов в этом процессе. Поэтому наше исследование претендует на установление роли межкультурных взаимодействий в формировании

антисистем, понимаемых как социально-духовные общности, и делает акцент именно на факторе культурного синкретизма, хотя и не отрицает значения иных факторов социокультурной динамики.

Установленные предшественниками особенности антисистем мы подробно рассматриваем в соответствующих частях работы (в параграфах 1.1. и 1.2.). Отметим, что под антисистемой в данной работе понимается *социокультурная общность людей, имеющая общее для своих членов мировоззрение, отрицающее реальность, и занимающаяся деструктивной деятельностью*. По нашему мнению, в основе формирования антисистемы лежат *неконтролируемые межкультурные взаимодействия, под влиянием которых складывается противоречивое, несовместимое с реальностью мировоззрение*. Поэтому социально-политическая активность этой общности всегда носит *разрушительный характер*, несмотря на гуманные и возвышенные лозунги её адептов.

Всё это и определило специфику нашего философского понимания феномена антисистемы и новизну авторского философско-теоретического подхода к определению предметного и проблемного поля, постановке и решению соответствующих научных задач.

Объект исследования – *синкретические социокультурные образования в историко-культурном процессе и социокультурной динамике*.

Предмет исследования – *антисистемы как социокультурные образования*.

Цель диссертационной работы – *раскрыть роль межкультурных взаимодействий в процессе возникновения и функционирования антисистем*.

Основная цель диссертационной работы определила и постановку **задач исследования:**

- интерпретировать сущность антисистемы как социокультурного образования;
- выявить социальные и духовные условия возникновения антисистем;
- установить роль и значение межкультурных взаимодействий в формировании религиозно-философских учений, лежащих в основе антисистем;
- классифицировать антисистемы, исходя из специфики целей, озвучиваемых в созданных антисистемой доктринах и реализуемых адептами сформированных антисистемой общностей;
- проанализировать наиболее важные формы взаимодействия антисистем с окружающей их социокультурной реальностью;
- обнаружить потенциал возникновения антисистем в современных социокультурных условиях;
- определить специфику радикальных религиозных антисистем современности.

Теоретическая и методологическая основа исследования составлена философско-культурологическими работами таких авторов как Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглер,

С. Хантингтон и Л.Н. Гумилёв. Проясняя вопрос формирования тайных обществ, из которых затем возникают антисистемы, мы опирались на исследования Ф.Ф. Зелинского, Л.А. Тихомирова и С.В. Соколова.

Методы историко-философского анализа позволили выявить устойчивые особенности создаваемых антисистемами доктрин, в какую бы эпоху они ни возникли и какими бы ни были вызвавшие их к жизни социальные процессы. Изучая созданные антисистемами учения, мы опирались на исследования Ф.Ф. Зелинского, Е.Б. Поршневой, В.П. Илюшечкина, А.Л. Хосроева, М. Бойс, А.М. Васильева, Б.В. Долгова, К. Дау, Ж. Кепеля, С.В. Резника и других авторов, отдающих приоритет анализу социально-философских и религиозных учений в контексте событий древней, средневековой и современной истории.

Дескриптивный метод и философско-культурологический подход позволили реконструировать и описать механизмы возникновения и действия антисистемных социокультурных общностей, как квазиобразований, дать философскую оценку аксиологии антисистем. В этом вопросе мы базировались на исследованиях Л.Н. Гумилёва, И. Валлерстайна, В.Ю. Даренского, В.Л. Махнача, В.П. Римского, а также Г.Ф. Перетятькина и Д.М. Володихина.

Антисистемный подход в рамках диалектики и системной методологии был применён нами для обнаружения инородных социальных и духовных факторов, действующих в рамках внешне единых культурных систем, и выявления их ролей в культурогенезе антисистем (как доктрин, так и общностей). Применяя данный метод в изучении деструктивных социально-философских и культурных феноменов, мы продолжаем традицию отечественных исследователей (С.Н. Борисов, С.В. Резник, В.П. Римский и другие авторы в рамках данного научного направления), при помощи антисистемной методологии изучавших феномены революционности, терроризма и насилия в современном мире.

Мы использовали метод философско-компаративистского исследования концепций отечественных и зарубежных авторов, посвященных антисистемам, а также доктрин, созданных самими представителями антисистем. Это определило также принцип междисциплинарного синтеза (философии культуры, всемирной истории, культурологии и религиоведения) в интерпретации и историко-логическом анализе феномена антисистемности.

Новизна научного направления, представленного в диссертации, заключается в философско-культурологическом и философско-антропологическом исследовании важной научно-теоретической проблемы: инновационной интерпретации феномена антисистем и выявлении потенциала возникновения антисистем в процессе глобализации современного мира, в установлении роли межкультурных взаимодействий в процессе активизации этого потенциала.

Научная новизна диссертационного исследования конкретизирована в следующих результатах:

- сформулировано авторское определение антисистемы как деструктивного социокультурного образования и сообщества людей, имеющих общее мировоззрение, структурированное по принципу отрицания наличной социальной реальности и воплощающее данный негативизм в политические, идеологические и культурные практики;

- установлены причины возникновения антисистем (доктрин и организаций) и на конкретных исторических примерах продемонстрировано, что без совпадения ряда социальных и духовных факторов, антисистема не может образоваться, а важными предпосылками формирования антисистемы являются появление в обществе чуждых его культуре идей, норм и институтов, кризисное состояние общества и чувство депривации, испытываемое его членами;

- доказано, что в процессе образования антисистем важную роль играют межкультурные взаимодействия и производный от них синкретизм, который ведёт к формированию прослойки интеллектуалов с космополитическим образованием и воспитанием, формулирующих доктрину изначально деструктивной направленности;

- выделены два вида антисистем, направленность которых можно условно назвать эсхатологической и паразитической: оба вида антисистемности одинаково враждебны к породившей их культурной системе, но эсхатологические антисистемы действуют в русле политического утопизма (нередко совмещаемого с религиозным ригоризмом), а паразитические антисистемы стремятся безвозмездно жить за счёт «большого общества»;

- проанализирован феномен псевдоморфозы, которая является важным, но необязательным условием возникновения антисистемы: на конкретном историческом материале показано, что псевдоморфоза, особенно выраженная в гибридной колонизации, способствует действию и совпадению порождающих антисистему факторов;

- раскрыто отношение антисистем обоих типов к окружающей их социальной реальности: оба типа антисистем начинают свой исторический путь как тайные общества (религиозные секты, революционные кружки и т.п.), но в дальнейшем эсхатологические антисистемы претендуют на власть над «непосвященным» социумом, а паразитические антисистемы поглощают его материальные и духовные ресурсы;

- выявлен потенциал возникновения антисистем в современном мире, ставший результатом новоевропейской колониальной глобализации и подавления неевропейских культур, что привело к глобальной псевдоморфозе и активировало деструктивный потенциал бывших колоний (в частности, религиозно-политическое движение радикального исламизма и т.п.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Антисистема представляет собой социокультурную общность людей, мировоззрение которых строится по принципу отвержения и обесценивания наличной реальности. Адепты антисистемы воспринимают любую социальную реальность как несоответствующую «идеалу» и нуждающуюся в «исправлении», и готовы уничтожить наличное положение дел ради осуществления постулатов собственной доктрины. Противоречивая и нежизненная доктрина антисистемы, как правило, характеризуется утопизмом и подменяет сложность и многообразие реальных культурных, социальных и политических явлений упрощенными умозрительными конструкциями. Поэтому положения, нормы и «ценности» таких учений не могут быть осуществлены в данный момент или вообще никогда, но всегда противостоят реальной социальной эмпирии и вдохновляют своих адептов на тайную или явную конфронтацию с обществом.

2. В качестве основных причин возникновения антисистем можно выделить три совпадающих фактора: кризисное состояние общества (кризис может быть как социально-политическим, так и духовным), нарастание в обществе чувства депривации и наличие идей и институтов, не принадлежащих к господствующей в данном обществе культуре. В процессе возникновения антисистемы часть общества должна разочароваться в ценностях доминирующей культуры, и это разочарование возникает тем неотвратимее, чем более стойкими были возлагаемые на эту культуру надежды. Иностраные, пришедшие из чуждых культур идеи и институты создают иллюзию нового и оригинального решения возникших проблем. Важно отметить, что данное совпадение не вызовет антисистему к жизни автоматически, но указанные факторы дают импульс к развитию контркультуры, в контексте которой антисистема может как утвердиться, так и исчезнуть.

3. Активные межкультурные взаимодействия являются важным и даже необходимым условием формирования антисистем (доктрин, сообществ и организаций), так как в ходе этого процесса в общество проникают фрагменты чужой культурной картины мира, которые порой оказываются несовместимы с оригинальной доминирующей культурой. Как только у части людей, обычно интеллектуально развитых и имеющих широкий кругозор, формируется синкретическое, мозаичное мировоззрение из произвольно подобранных фрагментов родной и чужой культур, возникновение антисистемы становится лишь вопросом времени. Мы говорим о временном промежутке, который может оказаться долгим: ведь для возникновения антисистемы необходимы такие факторы как охвативший общество кризис и распространение чувства депривации, а формирование синкретического мировоззрения у группы интеллектуалов вовсе необязательно хронологически совпадает с действием двух других факторов. При этом важно отметить, что фрагменты чужих культур, из которых механически формируется антисистема, на своих родных культурных ареалах чаще всего

никакой деструктивной роли не играют и нередко имеют положительное значение. Чем более развита культура-реципиент, тем причудливее антисистема переработает заимствованные фрагменты, но она всегда будет делать акцент на отрицании наличной социальной реальности. Ведь мировосприятие потенциальных адептов антисистемы всегда деформировано ощущением общественного кризиса и состоянием депривации.

4. Благотворной средой для возникновения антисистем является псевдоморфоза – состояние, при котором одно общество культурно и политически доминирует над другим, навязывая ему свои формы и институты, нередко плохо совместимые с укладом жизни реципиента. В результате все творческие силы «принимающего общества» ставятся на службу поддержанию чуждых ему политических, идеологических и культурных форм, что нередко приводит к ощущению бессмысленности жизни и несправедливости наличного мироустройства. Псевдоморфоза является важным фактором для формирования антисистем, но генезис антисистемы может произойти и без неё.

5. Антисистемы можно условно разделить на эсхатологические и паразитические. Исповедуемый адептами антисистем эсхатологизм представляет собой отрицающую реальность жизненную позицию, призывающую к перестройке существующего общества по утопическим, неосуществимым в данный момент образцам и нормам. Предстоящая борьба с наличным обществом обычно преподносится адептами такой антисистемы в эсхатологических и мистических тонах (например, как разрушение порочного, отжившего своё мира ради скорого наступления царства справедливости). Термин «паразитизм» употребляется нами в переносном смысле и в данной работе означает абсолютизацию биологических влечений человека и гипертрофированный эгоизм, обычно связанный с отказом от производительного труда и равноправного обмена с обществом в пользу ничем не ограниченного потребительского образа жизни.

6. На первом этапе своего существования антисистема позиционирует себя как тайное общество революционной или оккультной направленности. Такие общности всегда устроены иерархически, и эта иерархия подчиняется эзотерическому принципу дозирования информации (дифференциация людей на «посвященных» и «непосвященных»). На первом этапе своего существования антисистема представляет собой субкультурное и контркультурное течение, которое отличается от других аналогичных течений нежеланием открыто и полно излагать свои взгляды. Но в условиях системного кризиса эта субкультура или контркультура переходит от пассивного отрицания социальной и культурной реальности к разрушительному воздействию на неё. То есть на втором этапе своего существования антисистема вступает в открытую конфронтацию с окружающей её социальной эмпирией. Однако нормы, ценности и идеалы исповедуемой адептами антисистемы доктрины утопичны, и в момент своего наибольшего триумфа антисистема часто гибнет именно в силу собственной

неосуществимости или трансформируется в положительное социокультурное формообразование, отказавшись от своих основных идей и методов.

7. Потенциал возникновения и усиления антисистем современности тесно связан с глобализацией, так как в данном процессе создаётся поле всемирных псевдоморфоз. Подавление национальных культур сочетается с повсеместно насаждаемыми глобалистскими политическими, идеологическими и экономическими институтами, с требованиями секуляризации всех форм общественной жизни. Одним из самых пагубных политических принципов, насаждаемых глобализацией, является отрицание национального государства, культурного многообразия народов и противопоставление друг другу конфессиональных общностей. В качестве негативного протеста против создаваемой глобальной псевдоморфозы возникло и действует антисистема, ярко выраженная в религиозно-политическом движении радикального исламизма, видящее и стремящееся уничтожить следы европейского влияния даже там, где их нет. По нашей классификации радикальный исламизм относится к эсхатологическим антисистемам, в то время как паразитические антисистемы в наши дни существуют, но не претендуют на мировое господство (например, популярный в Северной Америке гаитянский культ вуду).

Научно-теоретическая значимость диссертации. Полученные в ходе исследования результаты позволят углубить философское понимание феномена антисистемы, его сущностных черт, мировоззренческих и этических характеристик и векторов развития. В работе приведена классификация и установлены родовые черты исповедуемых адептами антисистем учений, что позволяет распознавать их в современном мире, в том числе и в медиапространстве. Также нами раскрываются механизмы возникновения и функционирования антисистем как социокультурных общностей, что позволяет выработать меры противодействия таким организациям.

Предлагаемое нашим исследованием научное направление необходимо на современном этапе мирового развития, так как позволяет оценивать потенциал возникновения антисистем в ходе межкультурных взаимодействий, которые играют в глобальном мире важнейшую роль и значение которых никаким образом не может быть снижено.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования будут служить в качестве теоретической основы в перспективных междисциплинарных исследованиях феноменов антисистемности в общественной жизни и политике современных государств.

Основные выводы и идеи диссертации имеют важное значение в разработке политики в сфере культуры, просвещения и образования на общефедеральном и региональном уровнях.

Результаты исследования используются и имеют прикладное значение в системе высшего образования: в преподавании многочисленных социально-

гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, антропологии, религиоведения и т.д.).

Личный вклад автора состоит в постановке проблемы соотношения межкультурного взаимодействия с формированием антисистем (доктрин и организаций). Именно в данной работе акцент сделан на межкультурных взаимодействиях как факторе, оказывающем на формирование и функционирование антисистем определяющее влияние. В ходе исследования автор обнаружил исходные условия, необходимые для возникновения антисистем независимо от рассматриваемой эпохи. Установлено, что культурный феномен псевдоморфозы играет в процессе зарождения антисистем двоякую роль: псевдоморфоза является достаточным условием для возникновения антисистемы, но не является необходимым фактором данного процесса. Доказано, что антисистема (учение и исповедующая его общность людей) могут возникнуть и вне ареала псевдоморфозы, однако псевдоморфоза всегда способствует генезису антисистемы, ускоряя и упрощая его.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций диссертационного исследования подтверждается:

- опорой на фундаментальные работы отечественных и зарубежных специалистов в области философской антропологии, философии культуры и социальной философии, посвященные историческим и современным проблемам межкультурных взаимодействий;

- анализом классических и современных научных исследований, посвященных изучению особенностей развития культуры и взаимного влияния различных культур;

- использованием нескольких методологических подходов в анализе различных этапов и особенностей культурогенеза антисистем.

Апробация работы. Основные принципы исследования, идеи и философско-теоретические результаты диссертационного исследования прошли апробацию в выступлениях и докладах автора в ходе многочисленных научных конференций международного, всероссийского и регионального уровня, в числе которых: «Найновите научни постижения» (Болгария, София, 17–25 марта 2012 г.); «Образование и наука в эпоху глобализации» (Армения, Степанакерт, 3–4 ноября 2012 г.); Международная научно-практическая конференция учёных РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва-Луганск, 25 января 2013 г.); Этнічна, моуная і культурная разнастайнасць у сучастным грамадстве (Беларусь, Могилёв, 29–30 мая 2014 г.); «Православный учёный в современном мире. Ценности православного мира и современное общество» (Греция, Салоники, 25-26 сентября 2015 г.); «Society, culture, personality in modern world» (Чехия, Прага, 16-17 февраля 2016 г.); «Religion – science – society: problems and prospects of interaction» (Чехия, Прага, 1–2 ноября 2016 г.); «Глобализация vs глокализация (конфликты в глобализирующемся обществе)» (Сербия, Косовска-Митровица, 3–4 июня 2017 г.); «VII Сильвестровские педагогические чтения.

Духовность и нравственность в образовательном пространстве – фундамент будущего России» (Омск-Тара, 29 марта 2018 г.); «Многоязычие как фактор сохранения этнокультурного разнообразия: образовательные стратегии» (Москва, 1–4 декабря 2019 г.); «Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность» (Москва, 28 февраля 2020 г.); «Этносоциокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности» (Москва, 30 октября 2020 г.); III Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Утопические проекты в истории культуры» (Ростов-на-Дону, 1–3 декабря 2020 г.); «Этнорелигиозный фактор в политических процессах на современном Востоке» (Москва, 23 апреля 2021 г.); и многие другие.

По теме диссертационного исследования опубликовано 109 научных работ (из них: 25 статей в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ; 3 – в изданиях, входящих в международную базу данных Scopus; 1 – в издании, входящем в международный перечень Web of Science, а также 3 монографии; общий объем 111,09 п.л. (доля автора – 67,55 п.л.).

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии, культурологии, науковедения ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры» и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, разделенных на семь параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрыта актуальность темы диссертации, представлена степень научной разработанности проблемы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, обоснованы методологические подходы и методы научного исследования, формулируются научная новизна исследования, положения, выносимые на защиту, дана характеристика теоретической и практической значимости работы.

В *первой главе* «**Антисистема как социокультурный феномен**» выработаны философско-теоретические и методологические ориентиры в исследовании феномена антисистемы, определены социальные и духовные факторы, вызывающие антисистемы к жизни, а также представлена типология антисистем. Рассмотрение этих вопросов является фундаментом для изучения механизмов зарождения и функционирования антисистемных социокультурных общностей.

В *первом параграфе* «**Человек в антисистемах и социокультурной динамике**» показана роль сверхценности, традиций и обычаев в культуре. Сверхценность является духовным стержнем, смыслообразующей категорией культуры, конечным пониманием смысла жизни представителями данной культуры. Традиции приобщают адептов культуры к сверхценности, знакомя

их с теми компонентами коллективного прошлого, которые сохраняют актуальность и в жизни других поколений. Обычаи облегчают этот процесс, представляя собой механическое следование входящим в традицию поведенческим образцам. В живой, функционирующей культуре все три компонента органически связаны между собой. Антисистема же возникает на стыке двух и более развитых культур, опираясь на неизбежный противоестественный синкретизм разнородных традиций и обычаев. Противоестественность данного явления связана с тем, что традиции и обычаи разных культур служат различным сверхценностям и далеко не всегда совместимы между собой.

Антисистема – это социокультурная общность людей, имеющих негативное, противоречивое мировоззрение, состоящее из фрагментов несовместимых культурных традиций. Возникают такие общности в зонах интенсивных межкультурных контактов и характеризуются стремлением к уничтожению наличной реальности во имя неосуществимых в данный момент умозрительных идеалов или к эскапизму. Антисистемы обладают следующими особенностями: негативное мирозерцание, неспособность к продуктивному развитию, эзотерическая структура (иерархия по принципу дозирования информации) и следующая из предыдущей особенности повольтельность лжи. Нередко творцами и первыми адептами основополагающих для антисистемы учений являются интеллектуалы с разносторонним, но ориентированным сразу на несколько культур образованием. Их деятельность изначально носит религиозный или публицистический характер, но подчеркивает инородность данной социальной группы по отношению к любому обществу, ориентированному на родную культуру. В результате такого взаимного отчуждения интеллектуалы-космополиты чувствуют себя опальными, а окружающее их общество считают непросвещённым, косным, не осознающим своих подлинных интересов и поэтому нуждающимся в руководстве. Но стать настоящими вождями своих сограждан такие интеллектуалы не могут, так как их знания и ценностные установки нередко заимствованы из чуждых культур и рассчитаны для применения в иной социально-исторической обстановке. В итоге создатели антисистемных учений постепенно радикализируются и исподволь пытаются претендовать на политическую власть, чтобы иметь возможность направлять сограждан, не спрашивая их согласия. Причём сформировавшаяся общность может изначально позиционировать себя как тайное общество религиозного характера (тогда антисистема напоминает секту) или в качестве радикальной политической организации (тогда она существует в форме закрытых клубов, революционных кружков и партий радикальной направленности).

Но активных межкультурных контактов и наличия космополитически настроенных реципиентов для возникновения антисистемы недостаточно. Чтобы данная социально-духовная общность могла сформироваться, необходимо совпадение трёх факторов: кризисного состояния одного из

обществ-участников межкультурных взаимодействий (кризис может носить как политический, так и духовный характер), нарастание в обществе чувства депривации и наличие идей и институтов, не принадлежащих к господствующей в данном социуме культуре. Неслучайно антисистема зарождается в пространстве контркультуры: наличие в обществе глубокой контркультурной ниши означает, что господствующая культура уже или ещё не соответствует духовным потребностям общества. Поэтому идеологи и адепты антисистем имеют возможность действовать, имея легальную санкцию на инакомыслие. Далеко не каждое контркультурное течение является антисистемным, но все антисистемы зарождаются в контркультуре и, как показывает историческая практика, превратиться в доминирующую культуру не могут. Ведь для того, чтобы добиться в обществе признания, антисистемной организации пришлось бы трансформироваться и перейти от противопоставления себя господствующей культуре к сотрудничеству с ней. Но момент активизации антисистем всегда выбирается её руководством с единственной целью – воспользоваться слабостью общества и заявить о себе как о ниспровергателях устоявшейся системы. Тем более, что кризисное состояние общества и сопровождающее его чувство депривации, охватившее большинство граждан, подрывает доверие к господствующим культурным ценностям тех людей, которые в антисистему не входят. И это позволяет антисистемной общности быстро расти численно, вербуя адептов из числа непосвященных и постепенно переходя от слов к делу.

Во втором параграфе *«Философско-культурологическая типология синкретических антисистем»* рассмотрен феномен антисистемы в социокультурном плане. Каждая антисистема представляет собой социально-духовную общность, то есть единство социальной организации (именуемой нами «тень» или «umbra») и синкретической доктрины. Эти два компонента неотделимы друг от друга, хотя обычно формирование «тени» предшествует возникновению учения. «Тень» не является какой-либо органичной для общества социальной группой, но формируется из представителей всех общественных групп и социальных слоёв. Первичная форма её организации – тайные общества, секты, закрытые клубы и кружки единомышленников. Привлечение новых адептов делает структуру такой организации эзотерической, то есть иерархия основывается на критерии информированности адептов различных степеней «посвящения». К примеру, руководство антисистемы владеет всей полнотой доктрины, а неопитам рассказывается лишь та её часть, которая гарантирует их лояльность, без сообщения им настоящих целей движения.

Также в параграфе приводится типология антисистем, исходя из направлений их деятельности: радикальный эсхатологизм и паразитизм (понимаемый как масштабное социальное явление). Доктрины и задачи этих течений и реализующих их организаций несходны между собой, и поверхностному наблюдателю может показаться, что между ними нет ничего общего.

Адепты антисистем эсхатологического направления не признают наличный мир реальным и стремятся его реформировать, сделать удобным для себя, в том числе и вопреки объективным историческим условиям. Но поскольку их образ желаемого будущего соткан из эклектически совмещённых идеалов, заимствованных из различных культур, то созданное такими диссидентами учение оказывается неосуществимым. Благие мечты о том, что могло бы или должно бы быть, толкают антисистемных активистов на безжалостное разрушение того, что уже есть. Они группируются в umbra с двойкой целью. Эскапизм, конечно же, является одним из их мотивов, но гораздо важнее для поборников такого эсхатологизма объединиться, собраться с силами, а затем уничтожить наличный социальный порядок и создать на его руинах новое общество сообразно своим религиозно-философским и социально-политическим идеалам. Радикальный эсхатологизм совмещает в себе черты двух видов утопизма, которые польский автор Е. Шацкий называет «утопия ордена» и «утопия политики». То есть эсхатологическая антисистема функционирует и ждёт своего часа в социальной форме закрытого клуба или секты «посвященных», а в кризисный для общества момент приступает к борьбе с наличным социальным порядком, активно претендуя на политическое лидерство и власть над «непосвященными». Конечная цель такой антисистемы – уничтожить наличный социально-политический порядок общества, чтобы заменить его более совершенным. Но последняя часть эсхатологического плана никогда в реальности не осуществляется.

В основе паразитических антисистем лежит агрессивный индивидуализм, исповедуемый адептами таких общностей. Своей целью эта публика видит освобождение от любых культурных ограничений и потакание своим прихотям, паразитирование на «непосвященном» обществе и безнаказанное потребление его богатств. Данное стремление далеко не всегда получает удовлетворение, но почти в каждом случае приводит к эскапистскому бегству от требующего сдержанности и целеустремлённости мира в «тьень». В качестве религиозно-философского обоснования своей позиции адепты паразитических антисистем используют весьма вольно понимаемое язычество (особенно его магический компонент). В отличие от эсхатологических антисистем паразитические не стремятся после разрушения наличной социальной реальности создавать утопическую новую, а попросту надеются утолить эгоистические запросы своих адептов, пользуясь наступившим хаосом. Проповедь каких-либо абсолютных нравственных ценностей для них не свойственна, а мерилем добра и зла в таких учениях считается каприз индивида.

В *третьем параграфе «Антисистемы в культурных псевдоморфозах»* рассматриваются общественно-политические факторы, благоприятные для формирования антисистемы. В частности, установлена сущность такого социально-духовного явления как «псевдоморфоза». Опираясь на исследования немецкого философа О. Шпенглера и отечественных авторов

С.А. Королёва и Г.Ф. Перетяпкина, мы установили, что псевдоморфоза – это господство развитого общества над обществом молодым, в результате чего зарождающаяся культура лишается оригинальности, усваивает и поддерживает чуждые формы вместо того, чтобы создавать собственные. Такое господство далеко не всегда осуществляется политически: во многих случаях достаточно проникающего духовного или экономического влияния. Псевдоморфоза всегда привносится извне, но не всегда действует на охваченное ею общество подавляюще: в частности, если внешнее влияние ситуативно или не очень интенсивно, то молодая культура может реализовывать в развитии собственные тенденции, сохраняя заимствованные порядки в качестве внешней декорации. Псевдоморфоза является важным, но необязательным условием формирования антисистем. Наибольшая вероятность возникновения антисистем связана с таким типом псевдоморфозы как колонизация, то есть создание нового жизненного очага (колонии) при сохранении старого (метрополии). Ведь жители колонии и метрополии почти наверняка будут иметь разные правовые и социальные статусы в рамках одной системы, что обязательно приведёт к ощущению собственной неполноценности и униженности у больших групп людей.

В параграфе рассмотрены различные типы колонизации, из которых наиболее способствует формированию антисистемы колонизация гибридная. В её условиях несколько этносов живут вместе и с необходимостью взаимодействуют друг с другом. А поскольку речь идёт именно о колониальной системе, то господствует в гибридном обществе только один этнос (нация, народ), и его культура признаётся главенствующей. Все остальные члены гибридной структуры оказываются как бы людьми второго сорта, что делает их потенциальными адептами антисистемы. Формируется так называемый «псевдоморфный» тип личности (термин Г.Ф. Перетяпкина), отвергающий родную культуру, но не имеющий возможности войти в культуру чужую. Поведение такого человека может быть любым, но чаще всего доминирующим мотивом его поведения оказывается ненависть и к «своим», и к «чужим», маскируемая высокомерием по отношению к «своим» и подобострастием по отношению к «чужим». Получается типаж вечного прозелита, который никому полностью не чужой и не свой, и который по-настоящему серьёзно относится лишь к своим собственным интересам.

Также в параграфе обнаружена роль социальной депривации в становлении антисистем. Изменения социально-политических условий, часто сопровождаемые популистской риторикой и пропагандой, приводят людей в состояние разочарования. Подверженным такой «идеологической» обработке людям кажется, что их обманули, что им обещали какие-то блага, но ничего не дали. Традиционная власть теряет свой авторитет, и этим моментально пользуются адепты антисистем для пропаганды своих эсхатологических и паразитических учений. Эсхатологические антисистемы используют кризис легальной власти как доказательство скорого конца времён и видят в

политическом кризисе предлог для своей активизации. Паразитические антисистемы делают из чувства депривации санкцию вседозволенности, утверждая, что если правители обманули людей, то люди могут больше не верить никому, кроме самих себя.

Псевдоморфозам всегда сопутствует ощущение депривации потому, что господство чужеземцев всегда открывает для поработанных или очарованных туземцев новые возможности улучшить свою жизнь при условии культурного ренегатства. Чаще всего такие возможности оказываются мнимыми, и это открытие буквально толкает в ряды антисистемной организации множество людей. Так, поборники эсхатологизма убеждают неофитов в тщете любых политических режимов – как родных, так и навязанных извне – и возвещают наступление справедливости лишь после конца света (или тотальной революции), который желательно приблизить. Паразитическая антисистема тоже обретает в таких условиях множество сторонников, утверждая, что никакой политический режим не мешает и не помогает индивиду в удовлетворении его эгоистических запросов и поэтому слабость властей можно и нужно использовать в личных интересах.

Но полная и всеобъемлющая псевдоморфоза необязательна для возникновения антисистемы. Ведь духовный синкретизм необязательно связан именно с псевдоморфозой. Идеи, рожденные одной культурой, вполне могут быть популярны на ареале другой, когда в политически независимой стране существуют общества или клубы почитателей чужеземных учений. Когда внутривнутриполитическая или экономическая ситуация приводит их в состояние депривации, такие эрудиты начинают искать образец справедливости и рецепт по её установлению в учениях, созданных в другом обществе и применимых только для его специфических условий. И здесь, опять же, возникают антисистемы эсхатологического или паразитического типа.

Во *второй главе «Социокультурные механизмы возникновения антисистем»* доктрины и общности антисистем анализируются со структурной и функциональной сторон. В качестве примеров используются такие движения прошлого и наших дней, как ближневосточное эсхатологическое движение манихейства, китайская конфедерация сект «Белый Лотос» и гаитянский культ вуду.

В *первом параграфе «Культурогенез антисистем: индоктринация человека и социума»* рассматривается процесс зарождения учений антисистем и формирование их социального субстрата, а также механизмы привлечения адептами «теней» в свои ряды неофитов.

В параграфе установлено, что псевдоморфоза играет для формирующейся антисистемы роль катализатора. Она способствует зарождению антисистемы, но не является обязательным условием этого процесса. Так, манихейство и вуду сформировались в условиях тотальных псевдоморфоз (эллинистическо-римское господство в Леванте и доминирование европейской культуры в

Новом Свете). Но китайская антисистема «Белый Лотос» зародилась в культурно однородном обществе, где имела место циркуляция идей, но глубокого проникновения чужой культуры не наблюдалось, не говоря уже о духовном господстве чужаков.

В параграфе уточняется, что хотя формулируемые антисистемами доктрины имеют синкретическое происхождение, их идейным стержнем всегда является отрицание наличной социальной реальности. Поэтому заимствуемые ими компоненты других учений подбираются и трансформируются для совместимости с этим принципом. Например, все религиозно-философские компоненты манихейства, доктрины «Белого Лотоса» и культа вуду сами по себе не имеют никакой негативной направленности. Зороастризм, буддизм, христианство, платоническая и конфуцианская философия на ареалах своих родных культур содержат множество светлых, жизнеутверждающих моментов и ориентируют своих адептов на труд, творчество, сострадание и заботу о ближних. То же самое, хоть и в меньшей степени, можно сказать и о западноафриканском язычестве. Конечно, оно во много раз примитивнее левантских вероучений или греческой философии, но, опираясь на него, дагомейцы и нигерийцы строили города, пахали землю и заботились друг о друге на протяжении всей своей истории. Однако, став достоянием антисистем, компоненты религиозно-философских учений причудливо отредактированы и направлены на отрицание мира и противостояние ему.

Для антисистем характерна маскировка под господствующие в данном обществе институты и духовные течения. Так, манихеи притворялись христианами и зороастрийцами, а адепты «Белого Лотоса» – даосами и конфуцианцами, выдавая себя за школьных учителей, странствующих врачей и работников. Культ вуду долгое время маскировался под почитание католических святых (например, кубинское вуду даже называется «сантерия» от испанского слова «santa» – «святой»).

Для становления антисистем в организационном плане необходимо наличие в обществе большого числа юридически и политически неполноправных людей. В Леванте это было сирийское и персидское население, не имевшее римского гражданства. В средневековом Китае эту роль сыграли малоземельное и безземельное крестьянство («подлые люди») и не задействованные на государственной службе выпускники учебных заведений. На Гаити потенциальными прозелитами вуду оказались многотысячные массы рабов-африканцев, в большинстве своём неграмотные и суеверные, но восприимчивые к зрелищным экспрессивным проповедям вожаков из своей среды. Эзотерическая структура антисистем позволяет использовать такую подавленную и впечатлительную публику в целях небольшого круга «посвященных». В манихействе «избранные» предсказывали скорый конец света и вменяли заботу о своей персоне большинству верующих, в «Белом Лотосе» патриархи учения подговаривали крестьян к антиправительственным выступлениям (которые для них самих

означали эсхатологическую войну), а в культе вуду колдуны-учителя возглавляют нестройную, но единодушную массу адептов.

Во *втором параграфе «Антисистема в политическом процессе»* анализируются социально-политические аспекты взаимодействия антисистем с «непосвященным» обществом. Для удобства анализа исторических фактов мы используем термин «Ordensstaat», понимая под ним территорию, находящихся под прямым контролем антисистемной организации и, следовательно, на которой антисистемная доктрина получает зримое социально-политическое воплощение.

Эсхатологические антисистемы в виде рассмотренных нами манихейства и «Белого Лотоса» делают акцент на отрицании мира, которое в китайском варианте выразилось в попытке прямого уничтожения наличной реальности. Вероятно, манихеи не могли проповедовать эсхатологическую войну в силу тесного взаимодействия с христианством и зороастризмом. Однако их движение претендовало на всемирный масштаб и, по мысли пророка Мани, должно было стать мировой религией. В реальности добиться реального политического господства манихеям удалось только на короткий срок в Сасанидском Иране. Правление их лидера, Маздака Бамдада, было, во многом, ограничено персидской государственной системой и правовыми нормами, которые он, занимая пост визиря, не мог игнорировать. Но даже эти ограничения не помешали манихею попытаться осуществить принципы учения, несовместимого с общественной жизнью, и прибегнуть к силе для того, чтобы добиться их выполнения. Учение Маздака звучало убедительно и оригинально, будучи религиозной проповедью, но для реальной жизни средневековой Персии оно совершенно не подходило, потому что пророк Мани создавал его, опираясь не на жизненный опыт, а на космополитическую эрудицию. Китайские сектанты пошли дальше, не используя государственный механизм в своих целях, а уничтожая его. Основанное ими «Небесное государство всеобщего благоденствия» – это своеобразный штурм неба, попытка организовать жизнь общества на умозрительных, оторванных от жизни идеалах, синкретически извлечённых из апокрифического буддизма, конфуцианства, даосизма и протестантского христианства. Важно, что в своих родных культурах все эти духовные течения не играли разрушительной роли и обрели эсхатологический смысл лишь в интерпретации сектантов, которые искали санкцию для разрушения, а не всерьёз интересовались чуждыми культурами. Весьма симптоматичным является тот факт, что после начала в императорском Китае интенсивных прозападных реформ в начале XX в. многие адепты «Белого Лотоса» стали членами радикальной политической партии «Синьчжун» (в дальнейшем вошедшей в состав Гоминьдана).

Паразитическая антисистема в лице культа вуду не ставила и не ставит перед собой эсхатологических задач. Её учение – это синкретическая санкция вседозволенности индивида и удобное оружие для борьбы с любой ограничивающей человека этической системой. Если эсхатологические

антисистемы постоянно пытаются экспортировать свои идеи путём создания сектантских филиалов или вооруженного вторжения, то паразитическая антисистема имеет очень ограниченный потенциал для прозелитизма. Вуду популярно в США и Западной Европе, но не за счёт целенаправленной пропаганды, а, скорее, благодаря падким до сенсаций современным СМИ. Сами адепты вуду вовсе не стремятся к изменению мира, но жаждут бесплатно и безнаказанно потреблять его богатства и ресурсы. Там, где им удалось доминировать (в республике Гаити), возникла настоящая «чёрная дыра», поглощающая все силы молодой республики и иностранную экономическую помощь. Это поглощение происходит без всякой отдачи, просто ради привольной и безбедной жизни ряда авторитетных адептов антисистемы.

В *третьей главе «Антисистемное бытие сообществ и человека в глобальном мире»* производится анализ антисистем современного, глобализирующегося мира.

В *первом параграфе «Псевдоморфоз человеческого бытия в современной культуре»* рассматривается глобальная псевдоморфоза, окончательно завершившая своё становление сразу же после окончания «холодной войны». Она представляет собой искусственное насаждение капиталистических порядков в обществах «чёрной» Африки и исламского Востока, которые в социокультурном отношении чужды такому мировоззрению. Ведь капиталистическое мировоззрение и связанный с ним тип экономики являются производными от западноевропейских исторических особенностей и не могут быть быстро и органично перенесены в иное общество. Дело не в том, что капитализм не может укорениться в незападном обществе: как показывает «тихоокеанское экономическое чудо», капиталистическая экономика вполне способна успешно функционировать вне своего родного культурного ареала. Но становление капитализма на новой культурной почве не может быть быстрым процессом, подконтрольным распоряжениям политических властей. Попытки правителей «третьего мира» использовать капиталистические отношения и всестороннее экономическое сотрудничество с западными странами для решения собственных сиюминутных финансовых проблем отзываются на местных обществах очень болезненно, нивелируя их автохтонные культуры и резкими темпами насаждая в этих социумах неестественную для них дифференциацию.

Также негативным фактором современной псевдоморфозы является европейская идея национального государства. Будучи усвоенным некритически, этот принцип искусственно объединил в «чёрной» Африке неродственные друг другу племена, а на исламском Востоке раздробил прежде единые общества, что привело к перманентной нестабильности.

Особенно губительно современная либерально-капиталистическая псевдоморфоза и в ряде случаев предшествовавшее ей социалистическое влияние воздействовали на ближневосточное мусульманское общество. В

арабских странах в 1960-е гг. возникло стремление противопоставить западной культурной экспансии религиозную агитацию, но в силу уничтожения традиционной вертикали суннитского клира баасистским лидерам пришлось обратиться к еретическому движению ваххабитов, что неизбежно привело к возникновению среди мусульман-суннитов новых, прежде неизвестных или непопулярных религиозно-политических учений и движений.

Все указанные факторы привели к становлению и усилению до международных масштабов антисистемных тенденций, связанных в первую очередь с ваххабитским движением, хотя и не только с ним. Речь идёт о совокупности религиозно-политических движений, партий и общин, известных под общим названием «радикальный исламизм».

Во *втором параграфе «Радикальные религиозные антисистемы современности»* анализируются факторы, приведшие к усилению исламистской антисистемы: кризис светских баасистских режимов и отсутствие ортодоксальной духовной альтернативы. Ведь крах единого для всех суннитских общин института халифата в 1924 г. обезглавил суннитский ислам. Сыграло свою роль и вмешательство западных государств, долгое время видевших в пакистанских сектантах-деобанди союзников по борьбе с коммунизмом, а в аравийских ваххабитах – выгодных торговых партнеров.

Опираясь на работы зарубежных (Ж. Кепель, А. Рашид, А. Тарик) и отечественных (М.Ю. Крысин, Ю.М. Антонян, Б.В. Долгов, С.В. Резник) исследователей, мы отмечаем, что для исламистских движений характерно стремление подчинить нормам шариата все сферы общественной жизни (включая те, которые ортодоксальный ислам никак не регламентирует). При этом исламисты под предлогом очищения ислама от всего заимствованного и наносного противопоставляют себя всему миру, в том числе и ортодоксальным мусульманам. Можно предположить, что основой для консолидации радикальных исламистов на самом деле является не пиетет перед эпохой «четырёх праведных халифов», а ненависть к современности, которая в их учениях неотделима от отвержения западноевропейского культурного опыта. Обязательное для возникновения антисистемы межкультурное взаимодействие сыграло в культурогенезе исламизма злую шутку, так как реакцией антисистемы на чужеродный компонент оказалась не заинтересованность, а гипертрофированное отвержение. Для адептов радикального исламизма борьба с прозападными культурными новшествами стала главной задачей, и, начиная с XVIII в., исламисты противостоят не только западным заимствованиям в исламском мире, но любым социальным, политическим и культурным нововведениям, созданным мусульманами в естественном ходе исторического процесса. Однако далеко не все исламистские группировки и партии сотрудничают друг с другом или хотя бы имеют общие взгляды на конкретные политические и экономические проблемы. Общее происхождение для них тоже необязательно. Например, аравийское движение ваххабитов возникло в XVIII в., и в его доктрине

оформились почти все идеи современных исламистов, но пакистанское исламистское движение деобанди зародилось в XIX в. независимо от ваххабизма. Точно также многие популярные в наши дни радикальные политические группировки Леванта и Северной Африки, требующие подчинения государственной политики и права религиозным принципам, возникли в 1920-60-е годы, и их возникновение не всегда инспирировалось ваххабитским прозелитизмом.

В параграфе установлено, что ваххабизм и связанные с ним современные исламистские движения представляют собой эсхатологическое сектантство, качественно не отличающееся от китайского «Белого Лотоса». Ordensstaat сектантов, основанный в Афганистане талибами, по многим параметрам схож с «Небесным государством всеобщего благоденствия» и другими подобными образованиями. Возможно, именно этим объясняется популярность радикального исламизма именно на границах мусульманского мира (в Нигерии, Афганистане, Сомали) и за его пределами (в мусульманских диаспорах на европейской территории): таким учением могут увлечься только люди, плохо знакомые с ортодоксальным исламом. В мусульманских же странах утопичность и еретическая сущность исламизма быстро распознаётся настоящими мусульманами, так же как некогда ортодоксальные зороастрийцы и христиане разоблачали манихеев.

Поскольку современная псевдоморфоза глобальна, то и порождённая ею антисистема тоже носит глобальный характер. Терракты в США (2001 г.) и Франции (2015 г.) показали, что адепты радикального исламизма могут дотянуться до любых уголков мира точно так же, как некогда это смогли сделать европейские колонизаторы. И если современный капитализм глобален, то точно так же глобален и исламизм, представляющий собой социально-духовную реакцию исламского мира на проникновение в него и господство чуждой политико-экономической системы.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы, суммируются результаты исследования, а также указываются возникшие трудности и очерчивается поле для дальнейших научных разработок.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, входящих в международную базу научного цитирования Scopus:

1. Sulimov, S.I. Antisystems in the Modern World / S. I. Sulimov, I. V. Chernigovskikh, V. D. Chernykh, S. V. Shahov // The Social Sciences // Medwell Journals, 2015. – 2015. – № 10 (6). – pp. 1298-1305. (ISSN: 1818-5800) (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,1 п.л.

2. Sulimov, S.I. Terrorismo y naturaleza antisistema / S. I. Sulimov, I. V. Chernigovskikh, R. A. Cherenkov, V. D. Chernykh, S. V. Shahov // Opción, Año 34. – Especial № 14 (2018): Revista de Ciencias Humanas y Sociales. –

p. 1157-1174. (ISSN: 1012-1587) (в соавт.) 1,06 п.л. / 0,21 п.л.

3. Sulimov, S.I. Socio-Philosophical Aspects of «Hey Da Shi Lue»: Meeting of Barbarism and Civilisation / S. I. Sulimov, D. D. Tregubova, R. A. Cherenkov, I. V. Chernigovskikh, V. D. Chernykh // International Journal of Innovation, Creativity and Change. – Volume 12, Issue 2, 2020. – pp. 591-601. (ISSN: 2201-1315) (в соавт.) 0,62 п.л. / 0,12 п.л.

Статьи в изданиях, входящих в международную базу научного цитирования Web of Science:

4. Сулимов, С.И. Православная традиция как действующий фактор русской истории / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегунова // Cuadernos de Rusística Española. – № 14 (2019). – С. 281-291. (ISSN: 1698-322X) (в соавт.) 0,62 п.л. / 0,31 п.л.

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации:

5. Сулимов, С.И. Структура духовного мира человека / С. И. Сулимов, И. В. Востриков // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – №3. – С.88-92. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

6. Сулимов, С.И. Антропогенные религии / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. – С. 183-187. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

7. Сулимов, С.И. Антисистема и контркультура / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. – С. 194-199. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

8. Сулимов, С.И. Религиозно-философские основания манихейства / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 189-194. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

9. Сулимов, С.И. О социальной структуре антисистем / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Научно теоретический журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии». – 2013. – № 1 (19). – С. 36-41. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

10. Сулимов, С.И. Люциферианство и утопизм / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1 (39): в 2-х ч. Ч. II. – С. 190-193. (в соавт.) 0,18 п.л. / 0,09 п.л.

11. Сулимов, С.И. Антисистема и псевдоморфоз в историческом процессе (на примере средневековых Чехии и Польши) / С. И. Сулимов,

И. В. Черниговских, Д. Г. Кукарников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки // Всероссийский научный журнал. – 2014. – № 5. – Ч. 1. – С. 214-225. (в соавт.) 0,68 п.л. / 0,22 п.л.

12. Сулимов С.И. Современный сатанизм: заговор против заговорщиков / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1 (51), Ч. II. – С. 177-183. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

13. Сулимов, С.И. Роль элиты в обществе: аристократ, буржуа, священник / С. И. Сулимов, А. В. Арапов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53), Ч. II. – С. 175-180. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

14. Сулимов, С.И. Антисистемный характер периферийного капитализма / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова, И. В. Черниговских // Социально-гуманитарные знания / Российское ежемесячное научно-образовательное издание. – 2015. – №4. – С. 306-316. (в соавт.) 0,62 п.л. / 0,31 п.л.

15. Сулимов, С.И. Антисистемные основы радикального исламизма / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, Л. С. Разинькова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7 (69), Ч. II. – С. 175-181. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,12 п.л.

16. Сулимов, С.И. Религия как фактор исторического процесса / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – №11 (73), Ч. I. – С. 155-158. (в соавт.) 0,18 п.л. / 0,09 п.л.

17. Сулимов, С.И. Экспансионизм Нового времени и его современные последствия / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – №5 (79), Ч. I. – С. 157-160. (в соавт.) 0,18 п.л. / 0,09 п.л.

18. Сулимов, С.И. Ислам: апология вандализма или его жертва? / С. И. Сулимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2017. – №4 (26). Октябрь-декабрь. – С. 165-173. 0,5 п.л.

19. Сулимов, С.И. Особенности хилиастических антисистем (на примере движения «Белого Лотоса») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – №1 (87). – С. 82-88. 0,37 п.л.

20. Сулимов, С.И. Умбанда и Палмарис: антисистема в Бразилии / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2018. – №8(94). – С. 86-92. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

21. Сулимов, С.И. Пуританский протестантизм как социально-политический фактор / С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников // Вестник

Челябинского государственного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – Вып. 49. №9 (419). – С. 96-103. (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,21 п.л.

22. Сулимов, С.И. Феномен антисистемности: социально-философский аспект / С. И. Сулимов // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2019. – №3(12). – С. 88-93. 0,31 п.л.

23. Сулимов, С.И. Антисистема как социальный феномен (на примере богомильской ереси) / С. И. Сулимов, В. Д. Черных, А. В. Плотникова // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2019. – №5(12). – С. 131-136. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,1 п.л.

24. Сулимов, С.И. Шиитский исламизм как политический фактор / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2019. – №6(12). – С. 131-136. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

25. Сулимов, С.И. Антропологический аспект антисистемы: Маздак и Хун Сю-цюань / С. И. Сулимов // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Том 44. №1. – С. 78-92. 0,87 п.л.

26. Сулимов, С.И. Самозванчество и юродство как социокультурные механизмы ограничения абсолютной политической власти / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных // Социально-гуманитарные знания / Российское ежемесячное научно-образовательное издание. – 2019. – №4. – С. 302-317. (в соавт.) 0,93 п.л. / 0,31 п.л.

27. Сулимов, С.И. Социально-философские идеи «Хэй да ши люэ»: встреча цивилизации и варварства / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова, И. В. Черниговских // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2020. – №2(13). – С. 145-152. (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,14 п.л.

28. Сулимов, С.И. Особенности утопических учений в средневековой исламской философии / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова, Р. А. Черенков // Манускрипт: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2020. – №11(13). – С. 179-184. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,1 п.л.

29. Сулимов, С.И. Феномен тайных обществ: типология, особенности, исторические роли / С. И. Сулимов, А. В. Арапов // *НОМОТНЕТИКА*: Философия. Социология. Право. – 2021. – Том 46, №1. – С. 106-114. (в соавт.) 0,5 п.л. / 0,25 п.л.

Монографии:

30. Сулимов, С.И. В поисках Бога: теистические антисистемы в мировой истории / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских. – Huntsville: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. – 430 с. 26,87 п.л. / 13,43 п.л.

31. Сулимов, С.И. Путь креста: специфика христианской миссии в Новое время / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, В. Д. Черных. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2018. – 275 с. 17,18 п.л. / 5,72 п.л.

32. Сулимов, С.И. Межкультурные взаимодействия в формировании антисистем: опыт социально-философского исследования: монография / С. И. Сулимов. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 284 с. 17,75 п.л.

Прочие публикации:

33. Сулимов, С.И. Антисистемы и глобализация / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Материали за 8-я международна практична конференция «Найновите научни постижения» (София, Болгария, 17-25 март, 2012). – София : Бял ГРАД-БГ ООД. – Том 25. Политика. Философия. Държавна администрация. – С. 51-58. (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,21 п.л.

34. Сулимов, С.И. Глобализация и псевдоморфоза // Межвузовский научный сборник «Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук». – Воронеж : ВИВТ, 2012. – Вып. 10. – С. 102-106. 0,5 п.л.

35. Сулимов, С.И. Палмарис: антисистема Бразилии // Всеукраїнський філософський журнал «Ноосфера і цивілізація». – Донецк: изд-во ДонНТУ, 2012. – Вып. 1 (13). – С. 173-177. 0,25 п.л.

36. Сулимов, С.И. Вуду как антисистема / С. И. Сулимов, И. В. Востриков // Науковий журнал Інститута філософії НАН України «Практична філософія». – 2012. – № 2 (44). – С.122-126. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

37. Сулимов, С.И. Доктрина «Белого Лотоса» как иллюстрация антисистемы / С. И. Сулимов // Сб. статей «Культурология: пересечение научных сфер». – Воронеж : типография Воронежского ЦНТИ, 2012. – Вып. 7. – С. 167-178. 0,68 п.л.

38. Сулимов, С.И. Взаимодействие традиций: синкретизм и антисистема / С. И. Сулимов // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы современного общества». – Воронеж : ЦНТИ, 2012. – Вып. 2 – С. 58-63. 0,31 п.л.

39. Сулимов, С.И. Антисистема в Китае: движение «Белого Лотоса» / С. И. Сулимов // Международный сб. науч. тр. «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». – Воронеж : ВГУИТ, 2012. – Вып. 5. – С. 119-129. 0,62 п.л.

40. Сулимов, С.И. Специфика традиционной африканской религиозности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2012. – №9. – С.167-174. (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,21 п.л.

41. Сулимов, С.И. Манихейство как эсхатологический эскапизм / С. И. Сулимов // Материали международной научной конференции, посвященной 15-летию деятельности Университета Месроп Маштоц, «Образование и наука в эпоху глобализации». – Степанакерт : Месроп Маштоц, 2012. – С. 90-95. 0,31 п.л.

42. Сулимов, С.И. Роль традиций в динамике общества / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Научные труды международной научно-практической конференции учёных РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, ЛНАУ 24-25 января 2013 г. – Москва-Луганск : изд-во ГГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, ЛНАУ, 2013. – Т 4. Философия. Право. Педагогика и методика. – С. 44-48. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

43. Сулимов, С.И. Духовные истоки современного терроризма / С. И. Сулимов // Сб. науч. тр. «Россия в XXI веке: проблемы и решения». – Воронеж : ЦНТИ, 2013. – Вып. 1. – С. 14-18. 0,25 п.л.
44. Сулимов, С.И. Сатанизм и язычество / С. И. Сулимов // Международный сб. науч. тр. «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». – Воронеж, 2013. – Вып. 6. – С.145-154. 0,56 п.л.
45. Сулимов, С.И. Богомилство: антисистема на Балканах / С. И. Сулимов // Всеукраїнський філософський журнал «Ноосфера і цивілізація». – Донецьк : изд-во ДонНТУ, 2013. – Вып. 1 (14). – С. 292-298. 0,37 п.л.
46. Сулимов, С.И. Культурная картина мира доколумбовой Месоамерики / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – №1 (20): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 109-113. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.
47. Сулимов, С.И. Роль политической и духовной элиты в общественной жизни / С. И. Сулимов, А. В. Арапов // Материалы V Всероссийской (заочной) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал». – Старый Оскол : Изд-во РОСА, 2013. – С. 165-171. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.
48. Сулимов, С.И. Политические модели ацтеков и майя до испанского завоевания / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Политические культуры: типологии и факторы развития: Научный журнал Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии. – 2014. – №1. – С. 70-76. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.
49. Сулимов, С.И. Философия качества в различных культурах / С. И. Сулимов // Экономика. Инновации. Управление качеством // Научно-теоретический журнал. – 2014. – №1(6). – С. 56-60. 0,25 п.л.
50. Сулимов, С.И. Антисистемный потенциал современности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – №3. – С. 136-144. (в соавт.) 0,5 п.л. / 0,25 п.л.
51. Сулимов, С.И. Механизм возникновения антисистемы (на примере гуситского движения) / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Етнічна, моуна і культурна разнастайнасць у сучаснім грамадстве: зборник наукових праць удзельнікаў Міжнар. навук.– практ. канф., (г. Могилёв, 29-30 мая 2014). – Могилев : МДУХ, 2014. – С. 132-137. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.
52. Сулимов, С.И. Шаманизм как религиозная традиция / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Актуальные проблемы современного мира в разрезе общественных наук. Сб. науч. тр. – Воронеж : ЦНТИ, 2014. – Вып. 2. – С. 86-92. (в соавт.) 0,5 п.л. / 0,25 п.л.
53. Сулимов, С.И. Христианство и прогрессизм / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Труды Ростовского государственного университета

путей сообщения. Научно-технический журнал. – 2014. – № 1 (26) – С. 149-153. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

54. Сулимов, С.И. Эзотерика и сатанизм: общее и особенное / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Сборник статей «Культурология: пересечение научных сфер». – Воронеж: типография Воронежского ЦНТИ, 2014. – Вып. 9. – С. 20-26. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

55. Сулимов, С.И. От рыцаря к буржуа: применим ли европейский опыт? / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Международный научный вестник (Вестник объединения православных учёных). – 2015. – №2 (2). – С. 19-25. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,12 п.л.

56. Сулимов, С.И. Социализация и культурно-историческая среда / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Духовно-нравственное воспитание: история и современность / Материалы науч.-практ. конференции памяти святого равноапостольского великого князя Владимира. – Липецк : ЛГПУ, 2015. – С. 75-80. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,1 п.л.

57. Сулимов, С.И. Сомали как потенциальный тыл экстремизма / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Мир глазами специалистов в области общественных наук. Сб. науч. тр. – Воронеж : ЦНТИ, 2015. – Вып. 1. – С.51-56. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

58. Сулимов, С.И. Капитализм как феномен европейской культуры / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова // Материалы международной научной конференции «Культура и духовное производство» (г. Донецк, 24 апреля 2015 года). – Донецк : Социально-гуманитарный институт ДонНТУ, 2015. – С. 61-65. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

59. Сулимов, С.И. Антисистема и псевдоморфоз в Леванте / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. – 2015. – №5 (275). – С. 150-168. (в соавт.) 1,12 п.л. / 0,56 п.л.

60. Сулимов, С.И. Антисистемные тенденции современности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Сборник материалов IV междунар. научно-практической конф. «Православный учёный в современном мире. Ценности православного мира и современное общество» (25-26 сентября 2015 г., Салоники, Греция). – Воронеж : Истоки, 2015. – С. 249-251. (в соавт.) 0,12 п.л. / 0,04 п.л.

61. Сулимов, С.И. Антихристианство как социально-политическая тенденция / С. И. Сулимов, А. Н. Анников, С. В. Шахов // Православный учёный в современном мире. Православные традиции русского народа как духовно-нравственная основа отечественного образования и воспитания // Сборник материалов IV междунар. научно-практической конф. (г. Орёл, Россия, 12-13 ноября 2015 г.). – Воронеж : Истоки, 2015. – Т 3. – С. 357-362. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,1 п.л.

62. Сулимов, С.И. Талибан: становление антисистемы / С. И. Сулимов, Р. А. Черенков // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Серия: Духовная жизнь общества и человека: история и

современность. – Воронеж : ЦНТИ, 2015. – Вып. 4. – С. 147-156. (в соавт.) 0,56 п.л. / 0,28 п.л.

63. Сулимов, С.И. Об истоках ваххабизма и его роли в исламистском террористическом движении / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Культура и цивилизация: научный журнал. – Донецк : изд-во ДонНТУ, 2015. – Вып. 1-2(2). – С. 90-96. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

64. Сулимов, С.И. Религия и политика: в поисках компромисса / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Международный научный вестник (Вестник объединения православных учёных). – 2015. – №3 (3). – С. 20-24. (в соавт.) 0,35 п.л. / 0,12 п.л.

65. Сулимов, С.И. Теистическое и атеистическое люциферианство / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Credo new: теоретический журнал. – 2016. – №1 (85). – С. 172-194. (в соавт.) 1,37 п.л. / 0,68 п.л.

66. Сулимов, С.И. Культурное многообразие и европейские институты в философском измерении / С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников // Society, culture, personality in modern world : materials of the VI international scientific conference on February 16-17, 2016. – Prague : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera CZ, 2016. – P. 111-117. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

67. Сулимов, С.И. Исламизм: пуританство или отступничество? / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова // Материалы международной научной конференции «Формы и механизмы социально-исторической преемственности» (г. Донецк, ДНР, 22 апреля 2016 года). – Донецк : Социально-гуманитарный институт ДонНТУ, 2016. – С. 112-116. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,12 п.л.

68. Сулимов, С.И. Либерализм как фактор социально-духовной деструктивности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XIV Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: укрепление духовного единства» (г. Челябинск, 24-25 мая 2016 г.). – Челябинск : ЧГИК, 2016. – С. 102-108. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,12 п.л.

69. Сулимов, С.И. К вопросу о войне с терроризмом: кто противник? / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, Д. Г. Кукарников // Australian Journal of Education and Science. – 2016. № 1(17), (January-June). Volume IX. «Sydney University Press». – P. 368-381. (в соавт.) 0,81 п.л. / 0,27 п.л.

70. Сулимов, С.И. Христианство как основа государственности / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, С. В. Шахов // Православный учёный в современном мире. Синтез науки и православия: сохранение духовно-нравственных ценностей в современных условиях // Сборник материалов V междунар. научно-практической конф. (Ганновер-Супрасль-Жировицы, 25-31 мая 2016 г.). – Воронеж : Истоки, 2016. – Т 2. – С. 116-122. (в соавт.) 0,25 п.л. / 0,08 п.л.

71. Сулимов, С.И. Учение об общественных изменениях Ш. Н. Эйзенштадта / С. И. Сулимов // Научно-практические исследования в

сфере общественных наук. Сб. науч. трудов. – Воронеж : ЦНТИ, 2016. – Вып. 2. – С. 26-31. 0,31 п.л.

72. Сулимов, С.И. «Политика» Аристотеля и политическая реальность античного полиса / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Научное наследие Аристотеля и его современное прочтение: материалы международных научных чтений, посвященных 2400-й годовщине со дня рождения Аристотеля (Воронеж, 18 мая 2016 г.). – Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2016. – С. 247-256. (в соавт.) 0,56 п.л. / 0,28 п.л.

73. Сулимов, С.И. Современный ислам и экстремизм / С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников // Religion – science – society: problems and prospects of interaction : materials of the VI international scientific conference on November 1–2, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – С. 16-22. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,12 п.л.

74. Сулимов, С.И. Русский радикализм и антисистемность / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Культура и цивилизация: научный журнал, 2016. – Донецк: ДОНТУ. – Вып. 2 (4). – С. 51-62. (в соавт.) 0,68 п.л. / 0,34 п.л.

75. Сулимов, С.И. Аксиологическая специфика массовой культуры / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук : Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – Вып. 3(11). – С. 123-130. (в соавт.) 0,43 п.л. / 0,21 п.л.

76. Сулимов, С.И. Антисистемность как современный политический фактор / С. И. Сулимов // Вестник научной сессии факультета философии и психологии: Воронежский государственный университет. – Воронеж : изд-во ВГУ, 2016. – С. 104-109. 0,31 п.л.

77. Сулимов, С.И. Халифат: анахронизм или потребность современности? / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских, Д. Д. Трегубова // Ислам в современном мире: рецензируемый научный журнал. – 2016. – №4. – С. 115-129. (в соавт.) 0,87 п.л. / 0,29 п.л.

78. Сулимов, С.И. Новоевропейский колониализм: экспансия, приведшая в тупик / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Актуальные проблемы гуманитарных, правовых и социально-политических наук: матер. междунар. научно-практич. конференции. – Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2016 г. – С. 303-317. (в соавт.) 0,87 п.л. / 0,43 п.л.

79. Сулимов, С.И. Христианство как фактор культурной экспансии: между прозелитизмом и антисистемой / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Материалы международной научной конференции «Субъективное и объективное в историческом процессе» (Донецк, 21 апреля 2017 г.). – С. 322-334. (в соавт.) 0,75 п.л. / 0,37 п.л.

80. Сулимов, С.И. Чёрный расизм: культ вуду и «чёрный ислам» / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Проблемы и решения в сфере

общественных наук. Сб. науч. тр. – Воронеж : ЦНТИ, 2017. – С. 10-15. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

81. Сулимов, С.И. Бурханизм как феномен алтайской культуры / С. И. Сулимов // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Культурология: пересечение научных сфер», (Воронеж, 26 апреля 2017 г.). – Воронеж : ЦНТИ, 2017. – Вып. 17. – С. 54-66. 0,75 п.л.

82. Сулимов, С.И. Роль православной Церкви в освоении Сибири / С. И. Сулимов // VIII Международная научно-практическая конференция «Православный традиционализм и его место в системе церковно-государственных отношений» // Вестник ТулГУ. Серия «Геология». – 2017. – №1. – С. 169-178. 0,56 п.л.

83. Сулимов, С.И. Глобализация как столкновение экспансий / С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников // Материалы международной научной конференции «Глобализация vs глокализация (конфликты в глобализирующемся обществе), 3-4 июня г. Косовска-Митровица, Сербия». Сб. резюме докладов. – Косовска-Митровица : Graficolor, 2017. – С. 235-237. (в соавт.) 0,12 п.л. / 0,06 п.л.

84. Сулимов, С.И. Ущемление и депривация как побудительные мотивы социальной активности / С. И. Сулимов // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2017. – №1-2 (28-29). – С. 27-39. 0,75 п.л.

85. Сулимов, С.И. Религия и культура: противостояние или симбиоз / С. И. Сулимов, Д. И. Бураев // Сб. науч. трудов: «Современные проблемы гуманитарных и общественных наук». – Воронеж : Научная книга, 2017. – Вып. 3 (16). – С. 84-95. (в соавт.) 0,68 п.л. / 0,34 п.л.

86. Сулимов, С.И. Вандализм и религия: проблема взаимосвязи / С. И. Сулимов, Д. И. Бураев // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. материалов IV Международной научно-практической конф. (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.) – Махачкала : ЧГПУ, АЛЕФ, 2017. – С. 529-534. (в соавт.) 0,31 п.л. / 0,15 п.л.

87. Сулимов, С.И. Религия в системе ценностей массовой культуры / С. И. Сулимов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственная культура в высшей школе: нравственные ценности и будущее студенческой молодежи» в рамках XXVI Международных Рождественских образовательных чтений (Москва, 23 января 2018 г.). – М. : РУДН, 2018. – С. 532-537. 0,31 п.л.

88. Сулимов, С.И. Возможности и границы трансформаций политической культуры / С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников // Материалы международной научной конференции «Марксизм и современность: альтернативы XXI века» (г. Донецк, 27 апреля 2018 года). – Донецк : ГОУ ВПО «ДОННТУ», 2018. – С. 252-258. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

89. Сулимов, С.И. Антисистемы Нового Света / С. И. Сулимов // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. Воронежский государственный университет. – Воронеж : издательский дом ВГУ, 2018. – Вып. 18. – С. 95-100. 0,31 п.л.

90. Сулимов, С.И. Феномен святости: язычество, христианство, неоязычество / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Подвижники Елецкой земли в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. 22 мая 2018 г. – Елец : ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», 2018. – С. 14-17. (в соавт.) 0,12 п.л. / 0,09 п.л.

91. Сулимов, С.И. Духовность и псевдодуховность как социальные факторы: Церковь и сектантство / С. И. Сулимов // Материалы Всероссийской научной конференции 29 марта 2018 г. «VII Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве – фундамент будущего России». – Омск : Амфора, 2018. – С. 130-138. 0,5 п.л.

92. Сулимов, С.И. Духовность и бездуховность как социально-философские феномены / С. И. Сулимов // Материалы междунар. науч.-метод. конф. «Философия и культура в гуманитарном дискурсе» (г. Воронеж, 27 апреля 2018 г.). – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2018. – С. 57-63. 0,37 п.л.

93. Сулимов, С.И. Война с терроризмом: подмена понятий / С. И. Сулимов // Псковский военно-исторический вестник: научный альманах. – Псков: Российское военно-историческое общество, 2018. – С. 296-301. 0,31 п.л.

94. Сулимов, С.И. Античный утопизм и его специфика / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему ««Город Солнца»: в поисках идеального локуса» (г. Ростов-на-Дону, 4-5 октября 2019 г.). – Ростов-на-Дону : издательство ЮФУ, 2019. – С. 186-188. (в соавт.) 0,12 п.л. / 0,06 п.л.

95. Сулимов, С.И. Протестантское миссионерство: прозелитизм или иллюзия? / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Материалы международной научной конференции «Формы культуры и противоречия современного общества» (г. Донецк, 27 апреля 2019 года). – Донецк : ГОУВПО «ДОННТУ», 2019. – С. 254-260. (в соавт.) 0,37 п.л. / 0,18 п.л.

96. Сулимов, С.И. Утопия как феномен социальной и духовной культуры / С. И. Сулимов // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XV междунар. науч.-практ. конф. (г. Челябинск, 15 мая 2019 г.). – Челябинск : изд-во Южно-Уральского гос. гуман.-пед. ун-та, 2019. – С. 414-427. 0,81 п.л.

97. Сулимов, С.И. Утопия и традиция: противостояние или взаимодействие? / С. И. Сулимов, Д. Д. Трегубова // «Философия и культура в гуманитарном дискурсе»: материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, ВГУ, 26-27 апреля 2019 г.). – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2019. – С. 44-54. (в соавт.) 0,62 п.л. / 0,31 п.л.

98. Сулимов, С.И. Роль рабства в зарождении антисистем: движение зинджей / С. И. Сулимов // Вестник научной сессии факультета философии и

психологии. Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – Вып. 19. – С. 58-63. 0,31 п.л.

99. Сулимов, С.И. Антисистемность и терроризм: проблема взаимосвязи / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал. – 2019. – Вып. 3(№23). – С. 115-126. (в соавт.) 0,68 п.л. / 0,22 п.л.

100. Сулимов, С.И. Учение о государстве в античной и ранней христианской философии / С. И. Сулимов // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук (Серия: «Духовная жизнь общества и человека: история и современность») : сб. науч. тр. – Воронеж : Научная книга, 2019. – Вып. 3 (25). – С. 58-64. 0,37 п.л.

101. Сулимов, С.И. Тайные общества как исторический фактор: доктрины, особенности и деятельность / С. И. Сулимов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2019. – Т. 5, № 4. – С. 78-85. 0,43 п.л.

102. Сулимов, С.И. Радикальная интеллигенция: антисистема в России / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2019. – №4 (26). – С. 62-74. (в соавт.) 0,75 п.л. / 0,37 п.л.

103. Сулимов, С.И. Псевдоморфоза и антисистема в историко-культурном процесс: Галлия и Левант / С. И. Сулимов // Материалы международной научно-практической конференции «Философия и культура в гуманитарном дискурсе», (г. Воронеж, 24-25 апреля 2020 года). – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 173-183. 0,62 п.л.

104. Сулимов, С.И. Антисистемы и оккультизм / С. И. Сулимов // Вестник научной сессии факультета философии и психологии. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – Вып. 20. – С. 45-50. 0,31 п.л.

105. Сулимов, С.И. Псевдоморфоза как историко-культурное явление / С. И. Сулимов // Современное образование: векторы развития. Роль социально-гуманитарного знания в подготовке педагога: материалы V Международной конференции (г. Москва, МПГУ, 27 апреля – 25 мая 2020 г.). – Москва : МПГУ, 2020. – С. 512-522. 0,62 п.л.

106. Сулимов, С.И. Проблема политической идентичности в исламском мире: история и современность / С. И. Сулимов // Сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых учёных «Этно-социокультурные процессы в странах Азии и Африки: проблема идентичности»: (г. Москва, ИСАА МГУ, 30 октября 2020 г.). – Москва : Пробел-2000, 2020. – С. 363-367. 0,25 п.л.

107. Сулимов, С.И. Колонизация как социально-духовный феномен / С. И. Сулимов // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Роль государства в колониационных процессах: от древности к современности. Modern History: партийно-политическая, духовная история

и общественные движения в странах Запада и Востока» (г. Уфа, 19 ноября 2020 г.). – Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. – Выпуск XIX. – С. 162-169. 0,43 п.л.

108. Сулимов, С.И. Варварство и цивилизация: античный урок для наших дней / С. И. Сулимов // Историческая психология и социология истории: Научно-теоретический журнал. – 2020. – №2(26). – С. 73-85. 0,75 п.л.

109. Сулимов, С.И. Образование как инструмент культурной экспансии / С. И. Сулимов // «Этнодиалоги»: Научно-информационный альманах. – 2021. – № 1 (63). – С.73-90. 0,43 п.л.

Сулимов Станислав Игоревич

**Философско-культурологическая интерпретация антисистем
в социокультурной динамике и межкультурных коммуникациях**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени доктора философских наук

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Усл.-пел. л. 2,2. Тираж 150 экз.
Заказ №